

Преподобный Амвросій Оптинскій

Дни памяти: 27 июня/10 июля, 10/23 октября

Житіє переиздано царской орфографіей для официальной страницы
Свято-Николаевского и Свято-Георгиевского Храмовъ
Кубанскаго Казачьяго Войска за Рубежомъ
www.stnicholasredbank.org
отъ страницы pravoslavie.ru

Издательство Преп. Сергія Радонежскаго
При Свято-Николаевскомъ Храмѣ
Красноокрегоко, Нью-Джерси, США

2009

Преподобный Амвросій Оптинскій

Александръ Гренковъ, будущій отецъ Амвросій, родился 21 или 23 ноября 1812 года, въ духовной семьѣ села Большія Липовицы Тамбовской Епархіи. Окончивъ Духовное Училище, онъ затѣмъ прошелъ успѣшно курсъ въ Духовной Семинаріи. Однако не пошелъ ни въ Духовную Академію, ни въ священники. Нѣкоторое время онъ былъ домашнимъ учителемъ въ одной помѣщичьей семьѣ, а затѣмъ преподавателемъ Липецкаго Духовнаго Училища. Обладая живымъ и веселымъ характеромъ, добротою и остроуміемъ, Александръ Михайловичъ былъ очень любимъ своими товарищами и сослуживцами. Въ послѣднемъ классѣ Семинаріи ему пришлось перенести опасную болѣзнь, и онъ далъ обѣтъ постричься въ монахи, если выздоровѣетъ.

По выздоровленіи онъ не забылъ своего обѣта, но нѣсколько лѣтъ откладывалъ его исполненіе, „жался“, по его выраженію. Однако, совѣсть не давала ему покоя. И чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ мучительнѣе становились укору совѣсти. Періоды беззаботнаго веселья и безпечности смѣнялись періодами острой тоски и грусти, усиленной молитвы и слезъ. Однажды, будучи уже въ Липецкѣ, гуляя въ сосѣднемъ лѣсу, онъ, стоя на берегу ручья, явственно слышалъ въ его журчаньѣ слова: „Хвалите Бога, любите Бога...“

Дома, уединяясь отъ любопытныхъ взоровъ, онъ пламенно молился Божіей Матери просвѣтитъ его умъ и направить его волю. Вообще, онъ не обладалъ настойчивою волею и уже въ старости говорилъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: „Вы должны слушаться меня съ перваго слова. Я – человекъ уступчивый. Если будете спорить со мною, я могу уступить вамъ, но это не будетъ вамъ на пользу“. Изнемогая отъ своей нерѣшимости, Александръ Михайловичъ отправился за совѣтомъ къ проживавшему въ той мѣстности извѣстному подвижнику Иларіону. „Иди въ Оптину, – сказалъ ему старецъ, – и будешь опытенъ“. Гренковъ послушался. Осенью 1839 года онъ прибылъ въ Оптину Пустынь, гдѣ былъ ласково принятъ старцемъ Львомъ.

Вскорѣ онъ принялъ постригъ и былъ нареченъ Амвросіемъ, въ память святителя Медиоланскаго, затѣмъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона и, позднѣе, во іеромонаха. Когда отецъ Макарій началъ свое дѣло издательства, о. Амвросій, окончившій семинарію и знакомый съ древними и новыми языками (онъ зналъ пять языковъ), былъ однимъ изъ его ближайшихъ помощниковъ. Скоро послѣ своего рукоположенія онъ заболѣлъ. Болѣзнь была настолько тяжела и продолжительна, что навсегда подорвала здоровье отца Амвросія и почти приковала его къ постели. Вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія онъ до самой своей кончины не могъ совершать литургіи и участвовать въ длинныхъ монастырскихъ богослуженіяхъ.

Постигшая о. Амвросія тяжелая болѣзнь имѣла для него несомнѣнно провиденціальное значеніе. Она умерила его живой характеръ, предоохранила его, быть можетъ, отъ развитія въ немъ самомнѣнія и заставила его глубже войти въ себя, лучше понять и самого себя, и человѣческую природу. Не даромъ же впослѣдствіи о. Амвросій говорилъ: „Монаху полезно болѣть. И въ болѣзни не надо лѣчиться, а только подлѣчиваться!“ Помогая старцу Макарію въ издательской дѣятельности, о. Амвросій и послѣ его кончины продолжалъ заниматься этою дѣятельностью. Подъ его руководствомъ были изданы: „Лѣствица“ преп. Іоанна Лѣствичника, письма и жизнеописаніе о. Макарія и другія книги. Но не издательская дѣятельность была средоточіемъ старческихъ трудовъ о. Амвросія. Его душа искала живого, личнаго общенія съ людьми, и онъ скоро сталъ пріобрѣтать славу опытнаго наставника и руководителя въ дѣлахъ не только духовной, но и практической жизни. Онъ обладалъ необыкновенно живымъ, острымъ, наблюдательнымъ и проницательнымъ умомъ, просвѣтленнымъ и углубленнымъ постоянною сосредоточенною молитвою, вниманіемъ къ себѣ и знаніемъ подвижнической литературы. По благодати Божіей его проницательность переходила въ прозорливость. Онъ глубоко проникалъ въ душу своего собесѣдника и читалъ въ ней, какъ въ раскрытой книгѣ, не нуждаясь въ его признаніяхъ. Лицо его, крестьянина-великоросса, съ выдающимися скулами и съ сѣдой бородой, свѣтилось умными и живыми глазами. Со всѣми качествами своей богато одаренной души, о. Амвросій, несмотря на свою постоянную болѣзнь и хилость, соединялъ неизсякаемую жизнерадостность, и умѣлъ давать свои наставленія въ такой простой и шутливой формѣ, что они легко и навсегда запоминались каждымъ слушающимъ. Когда это было необходимо, онъ умѣлъ быть взыскательнымъ, строгимъ и требовательнымъ, примѣняя „наставленіе“ палкой или же накладывая на наказуемаго епитимью. Старецъ не дѣлалъ никакого различія между людьми. Каждый имѣлъ къ нему доступъ и могъ говорить съ нимъ: петербургскій сенаторъ и старая крестьянка, профессоръ университета и столичная модница, Соловьевъ и Достоевскій, Леонтьевъ и Толстой.

Съ какими только просьбами, жалобами, съ какими только своими горестями и нуждами не приходили къ старцу люди! Приходитъ къ нему молодой священникъ, годъ тому назадъ назначенный, по собственному желанію, на самый послѣдній приходъ въ епархіи. Не выдержалъ онъ скудости своего приходского существованія и пришелъ къ старцу просить благословенія на перемѣну мѣста. Увидѣвъ его издали, старецъ закричалъ: „Иди назадъ, отецъ! Онъ одинъ, а васъ двое!“ Священникъ, недоумѣвая, спросилъ старца, что значать его слова. Старецъ отвѣтилъ: „Да вѣдь діаволь, который тебя искушаетъ, одинъ, а у тебя помощникъ – Богъ! Иди назадъ и не бойся ничего; грѣшно уходитъ съ прихода! Служи каждый день литургію и все будетъ хорошо!“ Обрадованный священникъ воспрянулъ

духомъ и, вернувшись на свой приходъ, терпѣливо повелъ тамъ свою пастырскую работу и черезъ много лѣтъ прославился, какъ второй старецъ Амвросій.

Толстой, послѣ бесѣды съ о. Амвросіемъ, радостно сказалъ: „Этотъ о. Амвросій совсѣмъ святой человѣкъ. Поговорилъ съ нимъ, и какъ-то легко и отрадно стало у меня на душѣ. Вотъ когда съ такимъ человѣкомъ говоришь, то чувствуешь близость Бога“.

Другой писатель, Евгеній Погожевъ (Поселянинъ) говорилъ: „Меня поразила его святость и та непостижимая бездна любви, которыя были въ немъ. И я, смотря на него, сталъ понимать, что значеніе старцевъ – благословлять и одобрять жизнь и посылаемая Богомъ радости, учить людей жить счастливо и помогать имъ нести выпадающія на ихъ долю тягости, въ чемъ бы онѣ ни состояли“. В. Розановъ писалъ: „Благодѣяніе отъ него льется духовное, да, наконецъ, и физическое. Всѣ поднимаются духомъ, только взирая на него... Самые принципиальные люди посѣщали его (о. Амвросія), и никто не сказалъ ничего отрицательнаго. Золото прошло черезъ огонь скептицизма и не потускнѣло“.

Въ старцѣ въ очень сильной степени была одна русская черта: онъ любилъ что-нибудь устроить, что-нибудь создать. Онъ часто научалъ другихъ предпринять какое-нибудь дѣло, и когда къ нему приходили сами за благословеніемъ на подобную вещь частные люди, онъ съ горячностью принимался обсуждать и давалъ не только благословеніе, но и добрый совѣтъ. Остается совершенно непостижимымъ, откуда бралъ отецъ Амвросій тѣ глубочайшія свѣдѣнія по всѣмъ **отраслямъ** человѣческаго труда, **которыя** въ немъ были.

Внѣшняя жизнь старца въ Оптиномъ скиту протекала слѣдующимъ образомъ. День его начинался часа въ четыре – пять утра. Въ это время онъ звалъ къ себѣ келейниковъ, и читалось утреннее правило. Оно продолжалось болѣе двухъ часовъ, послѣ чего келейники уходили, а старецъ, оставшись одинъ, предавался молитвѣ и готовился къ своему великому дневному служенію. Съ девяти часовъ начинался пріемъ: сперва монашествующихъ, затѣмъ мірянъ. Пріемъ длился до обѣда. Часа въ два ему приносили скудную ѣду, послѣ которой онъ часъ-полтора оставался одинъ. Затѣмъ читалась вечерня, и до ночи возобновлялся пріемъ. Часовъ въ 11 совершалось длинное вечернее правило, и не раньше полуночи старецъ оставался, наконецъ, одинъ. Отецъ Амвросій не любилъ молиться на виду. Келейникъ, читавшій правило, долженъ былъ стоять въ другой комнатѣ. Однажды, одинъ монахъ нарушилъ запрещеніе и вошелъ въ келью старца: онъ увидѣлъ его сидящимъ на постели съ глазами, устремленными въ небо, и лицомъ, осіяннымъ радостью.

Такъ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, изо дня въ день старецъ Амвросій совершалъ свой подвигъ. Въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни онъ взялъ на себя еще одну заботу: основаніе и устройство женской обители въ Шамординѣ, въ 12 верстахъ отъ Оптины, гдѣ кромѣ 1000 монахинь имѣлись еще пріютъ и школа для

дѣвочекъ, богадѣльня для старухъ и больница. Эта новая дѣятельность была для старца не только лишней матеріальной заботой, но и крестомъ, возложеннымъ на него Провидѣніемъ и закончившимъ его подвижническую жизнь.

1891 годъ былъ послѣднимъ въ земной жизни старца. Все лѣто этого года онъ провелъ въ Шамординской обители, какъ бы спѣша закончить и устроить тамъ все незаконченное. Шли спѣшныя работы, новая настоятельница нуждалась въ руководствѣ и указаніяхъ. Старецъ, повинувшись распоряженіямъ консисторіи, неоднократно назначалъ дни своего отъѣзда, но ухудшеніе здоровья, наступавшая слабость – слѣдствіе его хронической болѣзни – заставляли его откладывать свой отъѣздъ. Такъ протянулось дѣло до осени. Вдругъ пришло извѣстіе, что самъ преосвященный, недовольный медлительностью старца, собирается пріѣхать въ Шамордино и увезти его. Тѣмъ временемъ старецъ Амвросій слабѣлъ съ каждымъ днемъ. И вотъ – едва преосвященный успѣлъ проѣхать половину пути до Шамордина и остановился ночевать въ Перемышльскомъ монастырѣ, какъ ему подали телеграмму, извѣщающую его о кончинѣ старца. Преосвященный измѣнился въ лицѣ и смущенно сказалъ: „Что же это значитъ?“ Былъ вечеръ 10 (22) октября. Преосвященному совѣтовали на другой день вернуться въ Калугу, но онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, вѣроятно такова ужъ воля Божія! Простыхъ іеромонаховъ архіереи не отпѣваютъ, но это особенный іеромонахъ – я хочу самъ совершить отпѣваніе старца“.

Было рѣшено перевезти его въ Оптину Пустынь, гдѣ провелъ онъ свою жизнь и гдѣ покоились его духовные руководители – старцы Левъ и Макарій. На мраморномъ надгробіи выгравированы слова апостола Павла: „Быхъ немощнымъ, яко немощень, да немощныя приобрящу. Всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу“ (1 Кор. 9:22). Слова эти точно выражаютъ смыслъ жизненнаго подвига старца.